

УДК 94(470.41)"1941/1945"

**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В ТАТАРСТАНЕ
В 1941–1945 гг.**

А.Ш. Кабирова

Аннотация

Жилищный вопрос всегда был для Татарстана весьма непростым. Однако в годы Великой Отечественной войны тяжелая социально-экономическая ситуация, прибытие в республику большого количества эвакуированных существенно обострили его. В статье исследуется проблема обеспеченности населения ТАССР жильем в военное лихолетье, анализируется деятельность органов власти в этой сфере, характеризуется состояние жилищного фонда, рассматриваются коллизии, связанные с размещением эвакуированных.

Ключевые слова: Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Республика Татарстан, жилищные условия, размещение эвакуированных, жилищное строительство.

В современных условиях усилился интерес ученых и широкой общественности к социальной истории. В российской историографии все более актуализируется изучение прошлого в контексте значимости человеческого фактора, тогда как ранее приоритетными темами исторических исследований являлись, как правило, вопросы развития производственной и культурно-политической сфер жизни общества.

Особенно такого рода «перекосы» заметны в научных работах, посвященных чрезвычайным периодам в истории нашей страны. Годы Великой Отечественной войны стали временем, когда решалась судьба советского государства, сама возможность его дальнейшего существования, поэтому и труды ученых по военной истории были максимально политизированы. Долгие годы в исследованиях преобладали темы, доказывавшие преимущества социалистической системы, рассматривавшие различные аспекты создания и функционирования военно-промышленного комплекса, обеспечившего достижение победы над фашизмом. В соответствии с заданными установками главной задачей при освещении военных лет стало рассмотрение проблемы подготовки кадров, различных форм трудовой активности граждан, движения в помощь фронту и т. п. При этом нужды и заботы населения практически не принимались во внимание. В сложившейся в советской историографии модели исследования истории вопросы повседневности не считались достаточно интересным объектом для изучения.

Курс последних десятилетий на социально-экономический и политический прогресс в обществе подвигнул историков обратиться к изучению подобных вопросов. В центре внимания ученых, наконец, оказались не только фигурировавшие в прежних трудах «производственные кадры», но и люди со всеми своими невзгодами и переживаниями. В этой связи все более актуальными сейчас становятся исследования, посвященные анализу проводимой в военный период социальной политики, одним из важнейших элементов которой является обеспечение граждан жильем. В данной статье на основе привлечения мало востребованных ранее, в силу причин идеологического характера, архивных материалов мы попытаемся определить состояние жилищного вопроса в Татарстане в указанные годы, охарактеризовать деятельность руководящих органов по преодолению возникавших проблем, выявить трудности, возникавшие при размещении эвакуированных.

Напомним, что обеспеченность жильем является одним из важнейших показателей уровня развития материально-бытовых условий жизни граждан в любом государстве. Это хорошо понимали и в первые годы советской власти, в связи с чем в городах и поселках республики стали приниматься меры, направленные на пополнение жилого фонда и улучшение положения трудящихся. В итоге к началу войны (1940 г.) в Татарстане насчитывалось 3504 тыс. кв. м жилья, из них обобщественный фонд составлял 2490 тыс. кв. м, в личной собственности находилось 1014 тыс. кв. м [1, с. 183]. Сопоставляя эти цифры с данными 1926 г., можно констатировать, что за указанный временной промежуток жилищный фонд республики увеличился почти в 1.5 раза (в 1926 г. он составлял 2828 тыс. кв. м) [1, с. 83]. Однако, несмотря на, казалось бы, существенное приращение жилой площади, проблем в Татарстане было больше, чем решенных вопросов. Развернувшаяся в стране в 20–30-е годы прошлого века форсированная индустриализация создала гигантскую диспропорцию между промышленным и жилищным строительством. Основные финансовые средства, силы рабочих и их время вкладывались в создание мощной производственной сферы, тогда как строительство жилья финансировалось по остаточному принципу. По этой причине и перед войной жилищный вопрос в Татарстане оставался одним из самых насущных.

Начавшаяся война еще более обнажила проблему, придав ей исключительную остроту, так как наряду с созданием относительно приемлемых условий для проживания местного населения республиканским властям потребовалось решать задачи, связанные с необходимостью размещения эвакуированных граждан.

5 июля 1941 г. Совнарком СССР обнародовал постановление «О порядке эвакуации населения в военное время», согласно которому огромные массы людей в связи с вражеской оккупацией перемещались из центральных и западных территорий страны в более безопасные места на восток. Республика Татарстан, наряду с другими регионами ставшая в годы войны одной из важнейших тыловых баз, приняла большое количество эвакуированных. Руководил их размещением созданный 9 июля 1941 г. при Совете народных комиссаров ТАССР Совет по эвакуации. В ноябре 1941 г. его руководителем был назначен заместитель председателя СНК ТАССР З.В. Тинчурин.

Первые эвакуированные прибыли в республику уже в июле 1941 г. В этой связи в июле – августе 1941 г. состоялись специальные заседания бюро Татар-

ского обкома ВКП(б), где было организовано обсуждение вопросов по приему и расквартированию вновь прибывших. Отдельно было указано, что райкомы партии обязаны оказывать эвакуированным всяческое содействие, начиная с помощи в предоставлении жилья и заканчивая трудоустройством.

Однако разместить всех приехавших в республику людей на имеющихся жилых площадях не представлялось возможным. Прирост населения в городах и сельской местности в первый период войны был весьма значителен. Достаточно сказать, что к середине августа 1941 г. в республику прибыло 163 тыс. человек (НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3635. Л. 26), к началу сентября 1941 г. количество прибывших увеличилось до 176 тыс., а уже к весне 1942 г. достигло 266 тыс. человек. Население одной только Казани выросло с 401 тыс. до 515 тыс. человек [2, с. 78]. В связи с этим обеспечение жильем эвакуированных становилось все более непростым делом.

Как правило, большинство граждан размещали в коммунальных, ведомственных, частных домах, нередко в порядке принудительного уплотнения. Однако оперативная оценка ситуации, нашедшая отражение в протоколах заседаний по жилищному вопросу партийных и советских органов, показывала, что только через уплотнение имевшихся жилых помещений с проблемой справиться невозможно. В этих условиях Казгорисполком пошел на несколько беспрецедентных шагов, одним из которых стало переселение целого ряда организаций. К примеру, Горсвет с ул. Кирова был переведен в помещение Гордорстроя на ул. Парижской Коммуны, ТатНИИ языка и литературы – в помещение Дома печати. В общей сложности 25 организаций сменили свои адреса, у 12 были изъяты «излишки» помещений [3, с. 156]. Выселению подверглись даже высшие правительственные учреждения, традиционно располагавшиеся в Кремле. Так, местом размещения Наркомпищепрома ТАССР было определено Управление Казанского пивоваренного завода «Красный Восток»; Наркомлегпрома ТАССР – здание Казанской валяльной фабрики; Республиканского бюро карточек – здание Совнаркома ТАССР в помещении Госплана; Управления по делам искусств – здание Большого драматического театра. В результате переселения 26 государственных органов и ведомств за пределы Кремля было освобождено здание общей площадью в 6018 квадратных метров (НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3450. Л. 35–36). Освободившиеся площади переходили в пользование Наркомата авиационной промышленности. Позже здесь были организованы общежития и расселены рабочие оборонных предприятий.

Под жилье, особенно в городах и рабочих поселках, стали передаваться помещения социально-культурных учреждений: клубы, базы, кинотеатры, школы, дачные постройки. В разряд жилого фонда переводились складские помещения, чердаки, сараи, вагоны и т. п.

Однако в Казань прибывали все новые партии эвакуированных, поэтому перечисленных выше мер было недостаточно для решения жилищной проблемы. Сложная обстановка заставляла властные структуры на местах искать новые решения по обеспечению приезжих граждан жильем. Советам депутатов трудящихся в этом вопросе были предоставлены большие полномочия, воспользовавшись которыми, они вынужденно применили меры более жесткого, чрезвычайного характера. Так началось, например, осуществление временного переселения

части городского населения, не занятого в оборонной промышленности, в сельскую местность. Кроме того, в деревнях временно размещали вторых членов семей и родственников эвакуированных рабочих, прибывших по брони в порядке эвакуации их промышленных предприятий. Решения о выселениях принимала специально созданная комиссия, в которую входили сотрудники эвакуационных пунктов и работники Горсовета (НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 534. Л. 27).

Жилищные условия граждан, размещенных в городе и на селе, значительно отличались. Сначала рассмотрим, как устраивались эвакуированные в городах. Как уже было отмечено, в основном их размещали в порядке уплотнения. В этом случае ордер на вселение мог выдаваться как на отдельную комнату (что было большой редкостью), так и на часть площади в общем помещении. Уплотнение проводилось в добровольно-принудительном порядке. Доказательством того является постановление общего закрытого собрания партийной организации Казанского завода № 169, принявшего 9 июля 1941 г. решение: «Обязать всех коммунистов, у кого имеется жилплощадь не менее 4 квадратных метров на каждого члена семьи, подать заявление в завком о приеме эвакуированных» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 5358. Оп. 1. Д. 10. Л. 68). К тому же каждый член партии должен был провести в своем цехе разъяснительную работу среди беспартийных и представить и от них несколько заявлений о возможном вселении эвакуированных.

Исходя из содержания данного документа мы можем предположить, что в среднем на одного человека в Казани приходилось около 4 кв. м жилья. Это подтверждается и сведениями из других архивных источников. В частности, в отчете о состоянии жилищного хозяйства города Казани за 1943 г. указывалось, что средняя жилая площадь на одного человека в домах местных Советов составляет 5.8 кв. м, ведомственных – 4.2 кв. м, частных – 3.8 кв. м (НА РТ. Ф. Р-1804. Оп. 1. Д. 66. Л. 1).

Однако так было далеко не всегда и не везде. Материалы архивов содержат примеры проживания граждан на гораздо большей, чем средняя, или на значительно меньшей площади. Так, на прошедшем в ноябре 1943 г. специальном заседании исполкома Казанского горсовета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос о злоупотреблениях, связанных с решением вопросов предоставления жилых помещений. Здесь были озвучены неприглядные факты о том, что директору 21-го куста Казгорпищеторга Ирошниковой был выдан ордер на другую квартиру, хотя она уже имела достаточную по размеру и удовлетворительную по качеству жилплощадь – 20 кв. м на три человека (несложные арифметические вычисления показывают, что в этом случае на одного человека приходилось около 6 кв. м. – *А.К.*). Или, например, старшему товароведу Казгорпищеторга Макаровой и членам ее семьи было дано разрешение вселиться в квартиру большей площади, притом что до этого она проживала на подселении у своей сестры – 50 кв. м на 7 человек (соответственно, на человека приходилось около 7 кв. м) (НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 834. Л. 79). Причем такого рода злоупотребления при распределении жилых площадей отмечались на протяжении всех военных лет. Так, специально организованная и проведенная Прокуратурой ТАССР в марте 1943 г. проверка Бауманского, Дзержинского, Сталинского и Свердловского райжилуправлений Казани выявила целый ряд фактов незаконной выдачи ордеров на предоставление жилой площади: в частности,

из 57 ордеров, выданных по Сталинскому РЖУ за 1942 г., только на 6 имелись санкции председателя исполкома Панникова, ряд ордеров выдавался без заявлений и других подтверждающих документов (НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 830. Л. 118).

Однако более массовыми были случаи другого рода. Уже в ноябре 1941 г. Казгорисполком принял специальное постановление, согласно которому уплотнению подлежали все квартиры из расчета 2,5–3 кв. м на человека, причем решение распространялось на весь жилой фонд (НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 763. Л. 294). О трудностях бытового и (не сомневаемся) психологического плана для проживающих в таких условиях можно судить по заявлению семьи Старовойтовых, рабочих завода № 22. 11 февраля 1942 г., адресуя свое обращение в завком, они писали: «Работая в цехе с 3 января 1942 г. и проживая у Маркитантова, который занимает жилплощадь 14 кв. метров на 4 человека (трое из них работают на заводе), просим предоставить нам хотя бы небольшую комнату. Наша семья также состоит из 4 человек (три женщины и старик-отец. – А.К.), на заводе работают также трое. Жить в таких условиях, как 8 человек на 14 кв. метров (две семьи), не представляется никакой возможности, так как при такой скученности в комнате имеются тараканы, клопы и даже вши» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 840. Оп. 1. Д. 314. Л. 37).

Переуплотненность жилого фонда была действительно колоссальной. Изолированные квартиры в Казани в военные годы по сути превратились в импровизированные общежития. Исследователь Л. Кузнецова обнаружила в Национальном архиве Татарстана уникальный документ – список 15 сотрудников редакции газеты «Пионерская правда», размещенных в комнате площадью 35 кв. м! Причем это были не семьи, а именно сотрудники: ответственный секретарь редакции, литературный редактор, литработники, корректоры [3, с. 158].

Эти документы и материалы позволяют по-новому взглянуть на картины действительности военного времени. Экстремальные условия раскрывали истинную сущность каждого человека, его мысли и чувства. Некоторые жили по принципу «Кому – война, а кому – мать родна» и спешили воспользоваться ситуацией, другие не могли устроиться в самом простом, житейском смысле.

Несколько большие возможности для расселения людей имелись в других городах республики (Бугульме, Чистополе, Зеленодольске). Расквартированием вновь прибывших занимались местные муниципальные органы. Не умаляя их роли в деле размещения людей, хочется, однако, отметить, что довольно часто встречались и примеры бездушного, бюрократического отношения чиновников к эвакуированным. Достаточно типичным явлением было несвоевременное предоставление жилья вновь прибывшим. Например, эвакуированная из Ленинграда в г. Бугульму семья военнослужащего Б.А. Кацнельсона несколько месяцев скиталась по разным домам, не имея возможности устроиться более прочно на временном месте жительства. Только после вмешательства самого фронтовика (он прислал письмо в городскую администрацию с просьбой о помощи. – А.К.) вопрос с их размещением был решен (ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 355. Л. 55). В подобной же ситуации оказалась эвакуированная в г. Чистополь Татарской АССР из г. Ахтырки Сумской области семья военнослужащего П.Ф. Штенникова в составе его жены и пятерых детей в возрасте от 1 до 11 лет. Никто

из местного начальства не навестил эту семью, не поинтересовался, в каких условиях они живут. Более того, во время одного из посещений горсовета жене П.Ф. Штенникова в грубой форме было заявлено: «Вас сюда наехало много, квартиру не дадим» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 307. Л. 1).

Однако, к сожалению, даже у тех, кто устроился, жилищные условия оставляли желать много лучшего. В архивных фондах имеются документы, свидетельствующие, например, о том, что в «квартире семьи военнослужащего А.И. Семенова холод – –3...–5 градусов, даже померзли все цветы». Или, что «отец красного командира Д.Я. Рогожина в комнате замерзает» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 291. Л. 28, 33) (речь идет о жилищных условиях эвакуированных, размещенных в г. Чистополь. – *А.К.*). При этом обязанные по долгу службы заниматься данными вопросами сотрудники местных советских органов на просьбы и обращения граждан не реагировали.

Нельзя не упомянуть и о такой проблеме, как отражение в массовом сознании коренного населения практики добровольно-принудительного подселения приезжих. Воспринимали эту необходимую меру люди по-разному, здесь не было и не могло быть однозначности, так как каждый человек имеет свои индивидуальные особенности, привычки, сложившийся образ жизни и т. д. Историки советской формации в соответствии с принятой в стране официальной историографической традицией, как правило, писали о полном понимании ситуации местными жителями и оказании всемерной помощи прибывшим. Эта позиция подтверждалась позитивными примерами, которыми изобиловала периодическая печать военных лет.

Однако, несмотря на заверения городских администраций, в официальных информационных письмах в обком республики утверждавших, что коренное население с радушием и большим воодушевлением встречает эвакуированных, реальность была намного прозаичнее. Наряду с жителями, действительно разделявшими боль и нужды вновь прибывшего населения, были и те, кто тяготился необходимостью делить с ними кров. Встречались проявления открытой недоброжелательности к приезжим, имели место случаи необоснованных отказов в предоставлении им жилья.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о размещении рабочих промышленных предприятий. Причем среди них были как эвакуированные по брони, так и мобилизованные согласно законам военного времени (как правило, жители села). Напомним, что число эвакуированных в военные годы в Татарскую АССР оборонных предприятий превысило 70 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 91. Л. 42). В республике были размещены такие крупнейшие машиностроительные и приборостроительные предприятия, как, например, Московский и Ленинградский авиационные заводы, Ленинградский металлообрабатывающий завод, Московский часовой завод и др. И, конечно, главной задачей являлось обеспечение их трудовыми резервами.

В основной своей массе рабочие эвакуированных предприятий устраивались в общежитиях, изначально предназначенных для совместного проживания или специально организованных. Средняя жилплощадь в них колебалась от 2 до 4 кв. м на одного человека. Например, в общежитиях завода № 387 она составляла 3.3 кв. м, завода № 16 – 3.5 кв. м, завода № 22 – 2.4 кв. м. Условия

проживания в них были очень тяжелыми. Об этом можно судить по архивным документам. В отчете по заводу № 16 указывалось, что «общежития совершенно перестали быть похожими на места, где проживают рабочие советского предприятия. Общежитие № 14 по ул. Чернышевского, 2, по существу, находится безнадзорным. Жуткая антисанитария...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 407. Л. 67). Здесь были расселены молодые люди, прибывшие на производство из школ ФЗО и ремесленных училищ.

Несколько лучший вид имели общежития для семейных рабочих, располагавшиеся в комнатах гостиницы «Казань» и в общежитии бывшей школы № 91. Взрослые самостоятельные люди, в отличие от молодых рабочих, поддерживали элементарный порядок и чистоту, поэтому и здания, и комнаты находились в более приличном состоянии (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 407. Л. 68).

Большие трудности наблюдались не только с количественными показателями жилого фонда, но и качественными. Многим рабочим и служащим промышленных предприятий республики приходилось заселяться на значительном расстоянии от основного места работы. Типичной в этом плане является обстановка, отраженная в справке о материально-бытовых условиях работников завода № 22. В связи с тем что подобное положение было характерно для многих предприятий Татарстана, позволим себе привести объемную выдержку из нижеследующего документа. 14 июля 1943 г., отвечая на официальный запрос руководящих органов, директор завода Окулов пишет: «Завод располагает жилищным фондом 70914 кв. метров в заводских поселках на расстоянии 0.5–2 километра от завода. В том числе жилплощадь типа общежитий составляет 14903 кв. метра на 4110 коек. На имеющейся жилплощади в заводских поселках проживает лишь 50% работающих на заводе... Остальная часть – 50% рабочих – проживает в районах Казани на расстоянии от 10 до 20 километров от завода. Из них 40% рабочих, эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Керчи, проживает на подселении у квартирносъемщиков...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 840. Оп. 1. Д. 387. Л. 19).

Таким образом, из-за дальности расквартирования и плохой работы городского транспорта, особенно в зимний период, рабочие вынуждены были ходить за многие километры пешком, в итоге времени на отдых у них совершенно не оставалось. Более того, добравшись домой, они должны были заниматься приведением в более-менее сносный вид своего жилья, так как материально-бытовые условия существования у многих из них не удовлетворяли элементарным требованиям. Проверки, регулярно проводившиеся в помещениях, подтверждали это. Сухие протокольные строчки свидетельствуют: «Всю зиму (1942 г. – А.К.) дома рабочих завода № 22 не отапливались, в результате образовалась сырость, в жилых помещениях и во дворах царит опаснейшая антисанитария – рассадник эпидемических заболеваний. Не созданы даже элементарные условия для жильцов: нет кухни, водопровод не работает, уборные загрязнены...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 372. Л. 34). В таком же, если не в более тяжелом положении, находились рабочие завода № 16. В отчете об их жилищно-бытовых условиях указывалось: «В большинстве комнат в окнах стекла выбиты, холодно... Электроосвещения в комнатах нет... Имеющиеся постельные принадлежности грязные, засаленные...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 407. Л. 4, 67).

Казалось бы, учитывая, сколько времени рабочие проводят на заводе, и осознавая, что любому человеку необходимы время и условия для восстановления сил, администрация предприятий должна была быть заинтересована в решении жилищно-бытовых проблем, хотя бы для того чтобы закрепить людей на производстве и обеспечить равномерное и эффективное функционирование возглавляемого ей учреждения. Однако, как видим, этого не происходило. Руководители заводов к бытовой стороне жизни трудящихся чаще всего относились халатно и бездушно. Для них человек был важен и интересен только как производственная единица. Номенклатурные органы исходили прежде всего из потребностей развития военно-промышленного комплекса и только в последнюю очередь решали, насколько соответствуют условия проживания рабочих необходимым жизненным параметрам.

Правда, следует заметить, что данные вопросы пытались держать под контролем партийные органы. Заседания городского и районных комитетов ВКП(б) проводились с завидной регулярностью, и постановления на них принимались соответствующие – о необходимости наведения порядка в домах рабочих. Меры наказания к недобросовестно исполнявшим свои обязанности ответственным лицам применялись достаточно строгие. Так, в апреле 1942 г. «за несоздание нормальных жилищно-бытовых условий» для рабочих завода № 22 начальника жилищно-коммунального отдела этого предприятия Г.М. Минуллина даже исключили из партии (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 372. Л. 34). Материалы о состоянии жилья нередко запрашивались вышестоящими партийными инстанциями. Например, в ноябре 1943 г. Татарский обком ВКП(б) отослал в Центральный Комитет партии докладную записку о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 18 октября 1943 г. «О подготовке общежитий промышленных предприятий к зиме». В ней, в частности, сообщалось, что из 256 общежитий промышленных предприятий г. Казани полностью подготовлены к зиме 234 здания; в основном готовы, но требуется еще мелкий ремонт – в 14; в неудовлетворительном состоянии находятся 8 общежитий (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Л. 84, 88).

Характеризуя состояние жилищного фонда промышленных предприятий Татарстана, хотелось бы привести и некоторые статистические данные относительно имевшихся в их распоряжении площадей. Согласно архивным документам завод № 387 располагал 5 общежитиями, завод № 40 имел 21 общежитие, завод № 237 – 28 общежитий, завод № 22 – 60 помещений общего проживания, завод № 16 – свыше 30 общежитий. При этом, как выше уже указывалось, общий жилой фонд промышленных предприятий республики составлял 256 общежитий, рассчитанных на 23500 человек (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. л. 84–90).

Что касается устройства эвакуированных и выселенных из городов граждан в сельской местности, то, по воспоминаниям очевидцев, положение с жильем в деревнях и селах республики обстояло значительно лучше, чем в городах: не было огромной скученности, характерной, например, для Казани, больше было возможностей для расселения людей. Это подтверждают и архивные источники. В донесении военному прокурору Приволжского военного округа Цыбину от 1 октября 1941 г. о расквартировании семей начсостава Красной Армии специально подчеркивалось: «Жалоб о плохих жилищных условиях

в сельских районах не имеется... Многие семьи получают отдельные квартиры или комнаты» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 147. Л. 169).

Однако получение изолированного жилья в виде квартиры в действительности было доступно не для всех категорий граждан и являлось скорее исключением, чем правилом. В большинстве своем эвакуированные, даже при условии размещения их в отдельных комнатах, жили с хозяевами, а взаимоотношения основных квартиросъемщиков с приезжими не всегда были дружественными. К тому же и на селе жилищный вопрос решался очень медленно. В архивах республики хранится весьма значительное количество документов, свидетельствующих о проявлениях волокиты при решении вопросов, касающихся нужд переселенцев, и о черствости работников административного аппарата по отношению к населению. В данном отношении весьма показательна жалоба эвакуированной в Альметьевский район республики Л.И. Казакевич. Прибыв из Ленинграда, ее семья из пяти человек (бабушка – 82 года, она сама и трое детей: ребенок-инвалид и двое малолетних. – *А.К.*) в течение нескольких месяцев не могла найти жилплощадь (ЦГА ИПД РТ. ф. 15. Оп. 5. Д. 472. Л. 10). Более трех месяцев не предоставляли жилья и эвакуированной из Белорусской ССР И.М. Шейниной, направленной в совхоз им. Галактионова Чистопольского района (ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 307. Л. 8).

Однако перечисленные выше и подобные им объективные проблемы, связанные с жильем, были, хотя и с проволочками, вполне решаемы. В гораздо худшей ситуации оказывались жильцы, устроившиеся в частном секторе. Им нередко приходилось мириться с субъективными пристрастиями хозяев жилья и даже терпеть произвол с их стороны. Так, в источниках зафиксированы случаи, когда, например, в Высокогорском районе республики квартирная хозяйка, недовольная размещенными у нее постояльцами, выгнала их без объяснения причин на улицу (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 564. Л. 72). В Столбищенском районе разбирательства хозяйки дома с устроенной к ней на проживание эвакуированной вообще закончились избиением последней. Физическая расправа над приезжей женщиной стала основанием для возбуждения дела и привлечения домовладелицы к уголовной ответственности (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 564. Л. 34).

Подобного рода материалы долгие годы было не принято представлять читателям. Между тем именно они наиболее адекватно отражают положение дел в жилищной сфере. И, судя по этим источникам, реальная картина состояния жилищного вопроса и в городской, и в сельской местности республики была совершенно иной, чем ее отражали в официальных отчетах власть предержащие.

Любопытным представляется вопрос об оплате жилья в военный период. В одном из архивных документов указывалось: «В городе квартплата взимается на общих основаниях, а в селе [жилье предоставляется] бесплатно» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 291. Л. 252). Однако в действительности ситуация отличалась от той, которая была зафиксирована в источнике. Множество прямых и косвенных данных подтверждают, что размещенные в районах республики граждане платили за жилье основным квартиросъемщикам. Суммы оплаты были разные: в Бугульминском районе за комнату отдавали от 30 до 50 руб. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 355. Л. 90), а в Ципьинском – от 50 до 110 руб. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 472. Л. 44). Таким образом, средняя стоимость аренды

комнаты по республике составляла около 50 руб. Ставки квартплаты в городах устанавливались местными советами. Основная ставка оплаты за 1 кв. м колебалась от 30 до 44 коп. На неблагоустроенное и дефектное жилье существовало понижение основной ставки от 5 до 75%. Рабочим и служащим с заработком ниже 145 руб. в месяц полагались скидки от 10 до 80%. Платежной нормой жилплощади считались 9 кв. м. В общежитиях плата с рабочих взималась за койко-место. К сожалению, нам не удалось обнаружить документы, где бы давалась полная информация об этом, но отдельные сведения по указанному вопросу в архивах имеются. В докладной заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинского райкома ВКП(б) Казани Горбуновой от 18 ноября 1941 г. приводились факты недовольства рабочих завода № 27, связанные с тем, что «за кровать в общежитии плата составляет 50 рублей» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 212 а. Л. 67). Смеем предположить, что и в других общежитиях страны расценки на жилье были аналогичными (см., например, [4, с. 123]).

Таким образом, в годы войны жилищная проблема превратилась в одну из наиболее трудноразрешимых. В Татарстане ситуация усугублялась также тем, что из-за недостатка жилого фонда задерживалось и налаживание производственного процесса на эвакуированных предприятиях, так как, по вполне понятным причинам, не обосновавшись на новом месте, рабочие не могли «ударно работать» на производстве. 13 сентября 1941 г. Совнарком СНК принял постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», согласно которому местным властным органам предписывалось из имеющихся в наличии материалов развернуть строительство новых жилых помещений упрощенного типа. Во исполнение этого решения Совнарком ТАССР 9 февраля 1942 г. опубликовал свое постановление, где был указан ряд конкретных шагов по его осуществлению (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 472. Л. 47). На базе промышленных предприятий должны были формироваться строительные организации, которые бы занимались возведением зданий под жилье. Быстрое строительство домов в годы войны достигалось за счет перехода к упрощенным конструкциям жилых зданий типа бараков, общежитий, казарм, применения различных заменителей остродефицитных материалов и т. п. В сельской местности было предложено начать строительство индивидуального жилья. Под плановое жилищное строительство предусматривалось выделение кредитов: ссуда не свыше 5 тыс. руб. на срок до 5 лет из расчета 2% годовых на условиях личной оплаты ссудополучателем не менее 30% стоимости строительства и завершения постройки в течение одного года. Но, как показала проверка, организованная Прокуратурой республики в марте 1942 г., учреждения, которые должны были принять необходимые меры по осуществлению этого строительства (Наркомат коммунального хозяйства ТАССР, исполкомы Казанского и Зеленодольского горсоветов), с возложенными на них задачами не справились. За невыполнение должностных обязанностей и формально-бюрократическое отношение к порученной работе бывший главный инженер Казанского Горкоммунхоза Казанкин был привлечен к уголовной ответственности (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 472. Л. 47).

Итак, коренного перелома в масштабе и темпах строительства жилых помещений в республике в рассматриваемый период не произошло. В условиях, когда силы и средства строительных организаций Татарстана были направлены

в основном на строительство промышленных объектов, а впоследствии на восстановление освобожденных районов страны, жилья в республике строилось совершенно недостаточно. Тем не менее за военный период в ТАССР в целом было введено в эксплуатацию 384 тыс. кв. м жилых помещений. Причем 313 тыс. кв. м из них было построено государственными предприятиями, учреждениями и местными Советами, и 71 тыс. кв. м – городским населением за свой счет и с помощью государственных кредитов [5, с. 86].

Наибольший прирост жилого фонда республики обеспечили предприятия оборонной промышленности, которые в основной своей массе размещались в Казани. Поэтому более подробно следует охарактеризовать состояние жилого фонда в столице Татарстана. Согласно материалам источников площадь обобществленного жилищного фонда города за годы войны увеличилась на 203040 кв. м, или на 18%. В результате к 1945 г. жилищный фонд Казани состоял из 20932 жилых строений с жилой площадью 1759,2 тыс. кв. м, в том числе домов местных Советов насчитывалось 4225 с площадью в 819318 кв. м, ведомственных – 1775 (соответственно, с площадью в 491550 кв. м) и частных домовладений – 14942 (448400 кв. м)¹ (НА РТ. Ф. Р-1804. Оп. 1. Д. 66. Л. 1). Но благоустройство жилфонда за годы войны значительно ухудшилось: уменьшилась площадь оборудования водопроводом, в некоторых домах не было восстановлено центральное отопление, не работала канализация. В течение целого ряда лет жилищный фонд не ремонтировался, в результате чего его износ к концу войны достигал 37%. В совокупности на балансе города числилось 116 аварийных домов с общей жилой площадью 29468 кв. м (НА РТ. Ф. Р-1804. Оп. 1. Д. 66. Л. 2). В наиболее неудовлетворительном состоянии находились здания по ул. Федосеевской, Свердловской, Некрасовской, Куйбышева, Университетской.

В целом, подводя итоги рассмотрению состояния жилищной проблемы, необходимо отметить следующее: в годы Великой Отечественной войны данный вопрос был одним из самых серьезных и насущных. В Татарстане необходимость его решения стояла крайне остро, во-первых, в связи с резким снижением темпов и объемов жилищного строительства в военный период, во-вторых, в связи с необходимостью размещения эвакуированных. Местные властные структуры с самого начала войны распределение жилья взяли под свой жесткий контроль. Обеспечение населения жилой площадью осуществлялось с применением чрезвычайных мер. Использовался как имеющийся в наличии жилой фонд, так и приспособленные под жилье помещения, изначально предназначенные для иных целей. Принимались меры по выселению не занятых в оборонной промышленности горожан в сельскую местность. В итоге благодаря колоссальным усилиям прибывшие в республику люди были размещены. Однако в процессе осуществления необходимых мероприятий не все было безупречно: имели место различного рода недостатки в виде бюрократических препон, встречались проявления бездушно-безучастного отношения к гражданам, случаи волокиты и недобросовестности при выполнении должностных обязанностей чиновниками.

---

¹ Некоторые несоответствия числовых данных, видимо, обусловлены ошибкой составителя документа.

Summary

A.Sh. Kabirova. Some Facts from the War Everyday History: Solving the Housing Problem in Tatarstan in 1941–1945.

The housing question in Tatarstan has always been very acute. Yet during the Great Patriotic War the difficult socio-economic situation and the huge number of people evacuated to the Republic greatly aggravated the problem. The article studies the housing problem in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (TASSR) during the hard times of the war, analyzes the activities of the government bodies in this sphere, describes the housing stock situation, and considers the hardships and conflicts connected with the accommodation of evacuees.

Key words: the Second World War (the Great Patriotic War), the Republic of Tatarstan, living conditions, accommodation of evacuees, housing construction.

Источники

- НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-128 (Управление делами Совета Народных комиссаров ТАССР).
- НА РТ. Ф. Р-1296 (Статистическое управление ТАССР).
- НА РТ. Ф. Р-1804 (Управление жилищного хозяйства исполкома Казанского городского Совета депутатов трудящихся).
- НА РТ. Ф. Р-326 (Исполнительный комитет Казанского городского Совета депутатов трудящихся).
- ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 5358 (Партком казанского вертолетного завода № 387).
- ЦГА ИПД РТ. Ф. 840 (Партком казанского авиационного завода № 22 им. С.П. Горбунова).
- ЦГА ИПД РТ. Ф. 86 (Бугульминский районный комитет ВКП(б)).
- ЦГА ИПД РТ. Ф. 48 (Чистопольский районный комитет ВКП(б)).
- ЦГА ИПД РТ. Ф. 15 (Татарский областной комитет ВКП(б)).
- РГА СПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17 (Центральный комитет ВКП(б)).

Литература

1. Народное хозяйство Татарской АССР: к 50-летию со дня образования: Стат. сб. / Под общ. ред. Г.Д. Майорова. – Казань: Статистика, 1970. – 195 с.
2. *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. – 296 с.
3. *Кузнецова Л.* «Прошу позаботиться о семье Маршака, находящейся в Казани»: эвакуированные в Татарии в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань. – 2007. – № 2. – С. 156–158.
4. *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. – 184 с.
5. Татарская АССР за 40 лет: Стат. сб. / Под общ. ред. И.Н. Кобрановой. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1960. – 172 с.

Поступила в редакцию
21.11.09

Кабирова Айслу Шарипзяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

E-mail: aikabirova@mail.ru